

нні «Таємничі сили» символічний характер, визначаючи алгоритм життя Аллана Квотермейна, який рушає від «цивілізованого», впорядкованого європейського життя на пошуки пригод й таємниць у «варварському», «дикунському» африканському світі.

Висновки з даного дослідження і перспектива подальших розвідок у даному напрямку. Отже, пейзаж в оповіданні Г.Р. Хаггарда «Таємничі сили» майже позбавлений ландшафтних деталей – вони скупі, повторювані й нечисленні (образи скель та місячного сяйва). Автор не ставить перед собою завдання передати точні візуальні враження від африканських пейзажів, йому важливіше передати через пейзаж трагічність світовідчуття героя, відтінити його трагічне кохання, таке типове для романтиків, експресивно окреслити постійне перебування «на межі» між життям та смертю, нарешті – самотність, яку навіть палке почуття може подолати лише на певний проміжок часу. Пейзаж у письменника позбавлений особливої деталізації, експресивний, пронизаний танатологічними мотивами. Він з'являється у найважливіших композиційних моментах, виконуючи, таким чином, сюжетоутворюючу функцію.

Втім, поетика пейзажу у творчості Г.Р. Хаггарда – це тема, яка, звісно, не вичерпується розглядом одного твору й вимагає подальшої розробки.

Список використаних джерел

1. Дьякова Т. А. Онтологические контуры пейзажа: опыт смыслового странствия: [монография] / Тамара Александровна Дьякова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. – 168 с.
2. Энциклопедия символов / Сост. В. Рошаль. – М. : АСТ; СПб : Сова, 2008. – 1007 с.
3. Эстетика природы /РАН. Ин-т философии; Ред. К. М. Долгов. – М.: ИФРАН, 1994. – 230 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
5. Лобанова Г. Пейзаж / Г. Лобанова // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 160–161.
6. Хаггард Г. Р. У серці Африки, або Пригоди Аллана Квотермейна / Генрі Райдер Хаггард. – Харків: ВД «Школа», 2006. – 496 с.

Summary. The article examines the symbolic and expressive feature of landscape image in the story «Mysterious forces» by G. R. Haggard and the neo-romantic style of writer's art solutions. Being concentrated round one event, the time and space of the story assist understanding of ideological-aesthetic function of landscape character in the writer's narration.

Key words: literary landscape, neoromanticism, Africa, laconic.

УДК 821.161.1 – 31 «19»

Е.И. Вышинская

КНИГА Н. БЕРБЕРОВОЙ «БИЯНКУРСКИЕ ПРАЗДНИКИ» КАК ЦИКЛИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

У статті досліджується жанрова своєрідність збірки оповідань Н. Берберової «Биянкурские праздники». Доказано, що оповідання складають єдиний цикл. Серед факторів, які поєднують всі твори у цикл, можна назвати проблематику збірки, єдність топоса, наявність наскрізних героїв, що переходять із розповіді в розповідь, образ оповідача, що скріплює окремі твори в епічне полотно.

Ключові слова: оповідання, цикл, проблематика, топос, образ оповідача.

Нина Николаевна Берберова принадлежала к младшему поколению русской эмиграции. В отличие от писателей, получивших признание еще в дореволюционной России, Берберова вынуждена была завоевывать свое место в литературе XX века вдали от Родины. Темы, к которым наиболее часто обращались прозаики старшего поколения, ретроспективны: тоска по «вечной России», события революции и гражданской войны, русская история, воспоминания о детстве и юности. Произведения Берберовой резко контрастировали с работами её современников. В своем творчестве она сделала акцент на психологическом опыте эмиграции. Тема эмигрантского быта нашла выражение в ранних произведениях писательницы. В предисловии к книге «Биянкурские праздники» Н.Н. Берберова рассказала о своих поисках оригинальной темы: «Старой России я не успела узнать, и писать о ней, даже если бы я её знала, меня не интересовало: в эмиграции и в

её центре, Париже, было достаточно «старых» писателей <...> Писать о Франции и французских «героях» мне не приходило на ум <...> Можно было, конечно, начать писать «о себе» <...> но тогда я ни писать, ни говорить о себе не умела <...> » [1, 7]. Спустя два года поисков Н. Берберова всё-таки нашла новую тему произведений: это был быт русских эмигрантов, осевших в конкретном месте Франции, юго-западном пригороде Парижа Биянкюре.

«Биянкюрские праздники» являются одной из самых ранних книг Н.Н. Берберовой. Этот цикл рассказов публиковался в ежедневной эмигрантской либерально-демократической русской газете «Последние новости» с 1929 по 1934 годы и принес Берберовой признание в литературной среде. Как утверждала позднее сама писательница, это была «лирико-юмористическая, иронико-символическая серия рассказов о жизни русских в Биянкюре» [2, 402].

На родине известность к писательнице пришла после публикации не художественной, а мемуарной прозы. Книга «Курсив мой» стала одним из самых читаемых и исследуемых произведений Берберовой. Ее малая проза до сих пор не привлекала внимания ученых. В качестве исключения можно назвать лишь статьи Е.Н. Пугачевой и Н.И. Великой, посвященные рассказам и повестям Берберовой [3; 5]. Причем характеристика «Биянкюрских праздников» занимает одну страницу первой из названных статей. Целью нашей статьи является анализ книги «Биянкюрские праздники» как единого смыслового целого.

Термин «цикл» чаще всего используется при характеристике группы лирических произведений. В отличие от лирического прозаического цикл теоретически мало изучен. Л.С. Яницкий отмечает важную роль, которую играет циклизация в XX веке. По мысли ученого, в период разрушения традиционных форм целостности «цикл как бы удерживает художественные произведения от распада и энтропии, выполняет объединяющую функцию, связывая воедино различные произведения. Так развивается цикличность художественного мышления, когда автор задумывает и создает свое произведение в рамках более широкого контекста из нескольких произведений» [7, 170-171].

О причинах возникновения циклических единств рассуждает в своей статье «Три эпохи литературной циклизации: Боккаччо – Гофман – Гоголь» и А.С. Янушкевич. По мнению литературоведа, «первое, что формировало концепцию, своеобразную философию прозаического цикла, было стремление к единству мирообраза, интеграции единой мысли, превращающей частные и отдельные истории, рассказы, повести в систему и целостность» [8, 63].

Л.Н. Гареева к активным циклообразующим факторам в прозаическом цикле относит единство проблематики, общность сюжетных конфликтов и коллизий, образно-стилистическое решение, единый образ автора. Жанровыми признаками цикла являются общая атмосфера произведения, сквозные мотивы и образы, вариативное развитие тем, особая пространственно-временная организация, обрамляющие новеллы и очерки и другие особенности [4, 19–27, 81–82].

Не возникает сомнений, что рассказы книги «Биянкюрские праздники» составляют цикл, дискретные части которого могут существовать и отдельно как самостоятельные произведения, но будучи объединены автором в единый цикл, они приобретают новые качества и смыслы, становятся структурными элементами единого смыслового целого. В качестве факторов, объединяющих все произведения «Биянкюрских праздников» в цикл, можно назвать проблематику сборника, единство топоса, наличие сквозных героев, переходящих из рассказа в рассказ, образ рассказчика, скрепляющий отдельные произведения в эпическое полотно.

Каждый рассказ – законченная история, но все они связаны между собой. Одним из главных связующих элементов цикла является топос Биянкура. Этот пригород Парижа располагался между Сеной и Булонским лесом и славился своими промышленными предприятиями. Вспоминая своеобразную топографию парижских пригородов, Берберова писала: в них есть «и лавки, и русские вывески, и русский детский сад, и воскресные школы; там соблюдаются русские праздники по старому стилю» [1, 9].

Почти в каждом рассказе воспроизводятся одни и те же места маленького пригорода Парижа. Берберова воссоздает своеобразный его портрет. Так, биянкюрское небо держится на трёх трубах завода «Рено». Завод стал главным кормильцем жителей пригорода: «Биянкюр гнулся туда и сюда, как былинка, в коммерческих руках мосью Рено» [1, 83]. На автомобильных заводах трудилось, по утверждению писательницы, более 10 000 русских. Образ завода незримо присутствует в каждом произведении цикла, но наиболее подробно его роль в судьбе русских эмигрантов описана в рассказах «Версты-Шпалы», «Биянкюрская рукопись», «Биянкюрский призрак», «Колька и Люсенька», «Биянкюрская скрипка».

Еще один маркер мира русских переселенцев – Национальная площадь, сердце Биянкура. Именно здесь проходят праздники («Здесь плачут»), временно размещаются беженцы («Чужая девочка»). Возле площади построен отель «Каприз», в котором поселились многие герои цикла – портниха мадам Клава, Анастасия Георгиевна Сеянцева с племянницей («Чужая девочка»), Ваня Лёхин, живший и умерший в отеле («Биянкюрская рукопись»). Здесь размещает своего род-

ственника местный коммерсант С. Козлобабин («Здесь плачут»), именно в этот отель переезжает В. Крятов («Кольцо любви»). Недалеко от Национальной площади находятся парикмахерская Бориса Гавриловича, которая упоминается в рассказах «Аргентина», «Фотожених», «Биянкурская скрипка», и бакалейная лавка Козлобабина, о которой повествуется в рассказах «Фотожених», «Биянкурская скрипка», «Колька и Люсенька».

Достоинством внимания оказывается и кабаре, в котором проводят свое свободное время герои таких рассказов, как «Аргентина», «Здесь плачут», «Колька и Люсенька». Кабаре – это место работы И. Кондурина и Дуни («Случай с музыкой», «Цыганский романс»).

Завершающий цикл рассказ «Биянкурская скрипка» показывает городок с другой стороны. Рассказчик Гриша описывает этот пригород Парижа три года спустя после первого упоминания. Он утверждает, что три года для Биянкура – огромный срок. За этот период закрылась парикмахерская Бориса Гавриловича, на месте кабака Семена Козлобабина теперь стоит прачечная, изменились улицы, Национальная площадь, даже луна, как кажется Грише, стала другой.

Достопримечательностью Биянкура являются и его обитатели. Н. Берберовой удалось представить разные типы простых русских людей, волей судьбы оказавшихся на улицах чужого города. В ранних рассказах в центре внимания писательницы оказался тип «маленького человека», к которому она относилась и себя. Таких людей позднее в книге «Курсив мой» Берберова назвала «акакиями акакиевичами вселенной» [2, 278].

Внимательно наблюдая жизнь обитателей Биянкура, она впоследствии рассказала «о людях без языка, вырванных из родной почвы без надежды вернуться назад, растерявших близких» [1, 10], т.е. об эмигрантах, которым приходилось свою жизнь начинать заново. Н. Берберова писала о людях с разными судьбами, достатком, моральными устоями, но всех их объединяет лишь одно – отсутствие дома, средств к существованию, почвы под ногами. В предисловии к циклу Берберова характеризует русских в Биянкуре как тихих, спокойных, трудолюбивых, не склонных к совершению преступлений, законопослушных людей. Эти качества в значительной степени были обусловлены страхом потерять право проживания в Париже. Мечтой многих эмигрантов было получить французское подданство, поскольку положение их было шатким, они были лишены прав полноценных граждан.

Каждый рассказ «Биянкурских праздников» повествует о новых героях и в то же время не забывает о старых. В последующих рассказах цикла мы узнаем что-то новое об уже известных нам персонажах. Среди них портниха мадам Клава, которая появляется на страницах рассказов «Аргентина», «О закорючках», «Чужая девочка», «Колька и Люсенька». Мадам Клава – второстепенный персонаж, о ней известно совсем мало, но то, что она является важной фигурой в городе, – несомненно. Авторитетным и уважаемым среди бывших соотечественников был и коммерсант Семен Николаевич Козлобабин. Его активная деятельность характеризуется в каждом рассказе, где этот персонаж предстает в разных ипостасях, – владельцем кабаре, бакалейного магазина. Его имя упоминается в рассказах «Здесь плачут», «Случай с музыкой», «Чужая девочка», «Биянкурская скрипка», «Биянкурский призрак», «Колька и Люсенька». Фигура Бориса Гавриловича, владельца не менее прибыльного заведения – парикмахерской, предстает в рассказах «Фотожених», «Биянкурская скрипка». Эти и многие другие персонажи становятся сквозными героями цикла. Благодаря второстепенным персонажам создается ощущение единства, усиливается эффект связности. В каждой новой истории герои переезжают, меняют вид деятельности, стареют вместе с пригородом Биянкур. Берберова рисует образ их нелегкой повседневной жизни в чужой стране. Во многих рассказах цикла подчеркивается бессмысленность человеческой деятельности. Герои повестей «Аргентина», «Фотожених», «О закорючках», «Случай с музыкой» пытаются найти выход из сложившихся трудных жизненных ситуаций, но что бы они ни делали, всё возвращается на круги своя.

Одним из характерных типов героев книги «Биянкурские праздники» является творческая личность. Биянкур был промышленным пригородом Парижа, и людям, наделенным талантом, было здесь ещё сложнее. Рассчитывать на достойную оплату своего руда не приходилось. Искусство в условиях трудной серой жизни промышленного пригорода не было востребовано. Приходилось «зарывать свой талант в землю». Одним из таких творческих людей представлен Иван Иванович Кандурин («Случай с музыкой»). Найдя работу в мебельном бизнесе, он изо всех сил стремился вернуться к своей профессии музыканта. Но ни роль пианиста во вновь открывшемся кабаре коммерсанта Козлобабина, ни попытка устроиться музыкантом в маленький оркестрик местного кинематографа не привели к ожидаемым результатам. Ивану Ивановичу пришлось вернуться на старое место в мебельную фирму. Рассказ о судьбе И. Кандурина – это история о тщетных поисках человеком самого себя. Однако и такой исход рассказчик Гриша расценивает как благополучный: «Многие из тех, что в сумерки в дождливый день на Национальной площади о мосье Рено мечтают, могут даже позавидовать: он вернулся в мебельное дело» [1, 56]. По мнению

Гриши, это не самый печальный исход, многие биянкурцы мечтали хоть о каком-нибудь заработке. Но для Ивана Ивановича расставание с музыкой было утратой мечты.

Еще одним персонажем, наделенным творческим даром, был Ваня Лёхин («Биянкурская рукопись»). Он умер в возрасте 35 лет, но оставил в наследство Грише незаконченную рукопись романа, в котором описывал судьбу героя, похожего на него самого. Никто не догадывался о душевных муках Вани Лёхина, о его тоске по Родине и неспособности принять сложившиеся обстоятельства. Рассказывающий эту трагическую историю Гриша сделал вывод, что «Ваня умер от воображения». То, что рукопись досталась именно Грише, свидетельствует о том, что рассказчик был единственным в городе, кто мог оценить этот «крик души» по достоинству.

Даже в том случае, когда творческое начало находит свое применение, жизнь героев не выглядит благополучной. Об этом свидетельствует не только история Вани Лехина, но и судьба героя рассказа «Биянкурская скрипка». Скрипач Миша Сергеич, как и все, работавший прежде на заводе, оставляет это занятие ради любимого дела. Но он не становится всемирно известным музыкантом. Его удел – ходить по дворам и играть на скрипке. Его возлюбленной Соне такое занятие кажется недостойным, но у Миши своя теория. Он предлагает удовлетвориться тем, что дает судьба: «На эту землю мы не вернёмся, а другую мы не знаем и вряд ли узнаем. Из этого приходится исходить» [1, 146]. Миша выживает, как умеет, и предлагает Соне петь вместе с ним. Пусть искусство не приносит дохода, но душа Миши спокойна.

Еще одним типом героя в книге «Биянкурские праздники» является несостоявшаяся личность. Один из таких персонажей – Герасим Гаврилович («Фотожених») – не смог приспособиться к новым условиям жизни. О нерешительности другого героя повествует рассказ «О закорючках». Рассказчик Гриша сообщает историю Александра Евграфовича Барабанова, который безуспешно пытался воплотить в жизнь свой сумасшедший бизнес-план.

Ярко представлены в цикле «Биянкурские праздники» и женские типы. Характеризуя образ жизни «русского» Биянкура, рассказчик отмечает, что все девушки стремились уехать из этого пригорода в большой Париж, где можно было найти «красивую должность». Такой должностью в представлении многих жительниц Биянкура была работа горничной, чистая, не требующая чрезмерных физических усилий. Женщины мечтали «ходить во всём чистом, гладить чужое шелковое бельё, чистить чужие лаковые башмаки, пересчитывать серебро и подавать разные блюда» [1, 120]. Работа на заводе была не под силу женщинам, другую же найти было сложно. Для девушек, не имевших возможности уехать, выбора почти не оставалось. Рассказ «Цыганский романс» воспроизводит судьбу такой героини, развлекавшей в кабаке своим пением местных жителей.

Передать мироощущение народа мог только простонародный рассказчик. Н. Берберову и её героев различали и образ жизни, и происхождение, образование и выбранная профессия, не говоря уже о политических взглядах. Поэтому повествование о судьбе обитателей Биянкура она поручает одному из них. Таким летописцем истории «русского» Биянкура становится Гриша. Именно этот образ объединяет все рассказы. Берберова избирает сказовую систему повествования. В. Хализев подчеркивает, что сказ в отличие от стилизации и пародии ориентирован на речь «внелитературную» – устную, бытовую, разговорную, которая является чужой писателю, неавторской. Сказ дает возможность народу заговорить непосредственно от своего имени [6, 285–287].

Самые ранние рассказы цикла «Биянкурские праздники» не могут не напоминать читателю Зощенку (в меньшей степени Бабея и Гоголя). Как признавалась Берберова, «рассказы были неровные, некоторые написаны наспех, с невысокого уровня эффектами, но по крайней мере половина из них любопытна; есть в них следы Гоголя, Зощенки, «Скверного анекдота», и Антоши Чехонте, и следы меня самой – ищущей «бытового слова», сюжета с лирико-комической стороной жестокого романа и со слезой, напоминающей не человеческую, но сырную слезу» [2, 402]. Это сходство заметно не потому, что Зощенко был «учителем» Нины Николаевны Берберовой, а в большей степени потому, что жители Биянкура – это простые люди, иногда полуинтеллигенты, чаще – рабочий класс двадцатых годов. Они читали эмигрантскую прессу, в которой подчас публиковались рассказы Зощенко, Гоголя, Бабея. Не удивительно, что персонажи «Биянкурских праздников» заговорили языком своих любимых героев.

Н. Берберова не только наделила персонажей своих ранних рассказов «языком Зощенко», но учла все нюансы биянкурской жизни и внесла свои коррективы. В предисловии к книге писательница отмечала, что бытовой язык биянкурцев сочетал французские слова с русским просторечьем. Это был новый русско-французский язык. Он вмещал в себе устаревшую речь чеховских и предчеховских времён, был полон «идиоматизмов и провинциализмов». Это был язык людей, не получивших должного образования. Речь персонажей Н.Н. Берберовой изобилвала словечками, почерпнутыми из советских и эмигрантских газет. И, конечно, их язык включал слова французские, не требующие перевода, но обретающие русский акцент и окончания. На этом новом языке и говорят герои «Биянкурских праздников».

Подобной речевой характеристикой наделен и рассказчик Гриша. Он ведет повествование особым, оригинальным, не литературным языком. Цикл начинается с обращения к читателям: «Милостивые государыни и милостивые государи, извиняюсь! Особенно государыни, оттого что не всё в моём рассказе будет одинаково возвышенно и благопристойно...» [1, 13]. Эти первые строки знакомят читателя с Гришей как с типом рассказчика. Такое прямое обращение к читательской аудитории характерно для устной речи. Но оно свидетельствует и о том, что Гриша не принадлежит к интеллигенции, он человек простой. В его речи присутствуют характерные признаки эмигрантского языка, носителем которого были русские жители Биянкура. Анализируя язык Гриши, можно сделать вывод о характере досуга в Биянкуре, не очень разнообразного, наполненного незатейливой бильярдной или карточной игрой. В речи Гриши мелькают устойчивые словосочетания, связанные с этими играми: «четыре с боку ваших нет», «ходил с шестёрки, когда надо было ходить с туза», «сыграл бы пас», «от трёх бортов в лузу». Как справедливо заметил сам Гриша («Биянкурская рукопись»), он не был профессионалом в писательском деле: «И пусть о нас другие что-нибудь напишут, а сами мы – от двух бортов в красного – не писатели!» [1, 109].

Вместе с тем с каждым рассказом Гриша всё более совершенствует свой дар. Он описывает ситуации, свидетелем которых быть не мог. Таковы, например, диалоги героев рассказа «Случай с музыкой». Во многих рассказах имя Гриши не указано, но читатель ощущает его присутствие, так как остаются Гришины «бильярдный и карточные» присказки, и его оригинальная манера повествования.

Феномен рассказчика – главный связующий элемент всех произведений цикла «Биянкурские праздники». Гриша предстает либо как свидетель, повествующий о событиях биянкурской жизни, либо как главный или второстепенный персонаж в рассказах. В Биянкуре его воспринимают как местного «летописца». Об этом свидетельствует целый ряд эпизодов. Так, портниха мадам Клава, прочитав его рассказы, предлагает ему написать об «американской складке какой-нибудь», присущей жителю пригорода («О закорючках»). Именно Грише оставляет в наследство рукопись умерший Ваня Лёхин («Биянкурские рукопись»). К Грише относится уважительно и местный коммерсант Семён Николаевич Козлобабин, называя его по имени отчеству «Григорий Андреевич» («Здесь плачут»).

Некоторые факты биографии Гриши читатель узнает благодаря скромным упоминаниям отдельных эпизодов его жизни. Так становится известным, что он родом из Будановки, воевал на юге России в белой армии, позже эмигрировал и жил в Праге, затем попал в Париж и сейчас работает на заводе «Рено» («Версты-шпалы»). «Версты-шпалы» – единственный рассказ цикла, где рассказчик Гриша выступает одновременно и в роли повествователя, и в роли главного героя. Здесь он рассказывает о своей судьбе, о своих скитаниях по миру, о случайно найденной любви: «За спиной у меня дорога дальняя, у здешних ни у кого такой дороги нет» [1, 89].

Личность Гриши раскрывается и в его высказываниях о других людях. Рассказчик ярко демонстрирует своё отношение к происходящему, описывает свои эмоции. О самом себе Гриша самого скромного мнения: «а значение моё – не больше канарейки» [1, 90]. Он такой же биянкурский неудачник, как и другие персонажи рассказов этого цикла. Но будучи частью этого неустойчивого, трудного бытия, именно он обретает способность увидеть и оценить жизнь своих знакомых и друзей.

Главный мотив, объединяющий все произведения цикла, – выживание. Не случайно в одном из последних рассказов («Колька и Люсенька») звучат трагические слова: «И пускай в Париже и других городах тоже есть люди, сознающие свою непоправимую жизнь, нет места непоправимее родимого Биянкура» [1, 131]. Чтобы выжить в изгнании, обитателям Биянкура приходится приспособляться к сложившимся условиям. Жизнь в Биянкуре – это тяжелый труд, пьянство и нищета, которая касается всех без исключения. Подводя итоги размышлениям о судьбе своего бывшего соотечественника, рассказчик Гриша восклицает: «оказалось-то, что трагедия была не только его, моя и ваша, а прямо таки общая или даже всеобщая» («Случай с музыкой»).

Таким образом, можно прийти к выводу, что все произведения, включенные Н.Н. Берберовой в книгу «Биянкурские праздники», составляют единое повествование о судьбе русских эмигрантов, их быте, образе жизни, привязанностях и утратах. Каждый отдельный рассказ становится частью единого целого, приобретая дополнительный смысл и в то же время оттеняя другие произведения цикла.

Список использованных источников

1. Берберова Н.Н. Биянкурские праздники / Н.Н. Берберова. – М. : АСТ : АСТРЕЛЬ, 2011. – 349 с.
2. Берберова Н.Н. Курсив мой : Автобиография [Вступ. ст. Е.В. Витковского; коммент. В.П. Качетова, Г.И. Мосешвили] / Н.Н. Берберова. – М. : Согласие, 1996. – 736 с.

3. Великая Н.И. Малая проза Н.Н. Берберовой: поиски героя / Н.И. Великая // Проблемы славянской культуры и цивилизации : Материалы V международной научно-методической конференции. – Уссурийск: Уссурийск. гос. пед. ун-т, 2003. – С.124–129.
4. Гареева Л.Н. Вопросы теории цикла (лирического и прозаического) / Л.Н. Гареева // «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева : Вопросы поэтики. – Ижевск : УдГУ, 2004. – С. 19–27; 81–82.
5. Пугачева Е.Н. Поэтика прозы Нины Берберовой / Е.Н. Пугачева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Владивосток, 2010. – №3 (11). – С.12–14.
6. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2002. – 437 с.
7. Яницкий Л. Циклизация как коммуникативная стратегия в современной культуре [Текст] / Л. Яницкий // Критика и семиотика. Вып. 1–2.– Кемерово : КГУ, 2000. – С.170 – 174.
8. Янушкевич, А.С. Три эпохи литературной циклизации: Боккаччо – Гофман – Гоголь / А.С. Янушкевич // Вестник ТГУ. – 2008. – № 2 (3). – С. 63–81.

Summary. The article investigates the genre identity of the collection of novels written by N. Berberova «Billancourt Tales». It is proved that the stories form a single cycle. Among the factors that combine all the works into the cycle, we can distinguish the following ones: the problematics of the collection of novels, the unity of literary topos, the presence of cross-heroes who moves from one story to another, the image of the narrator that fasten the particular novels in an epic canvas.

Key words: novel, cycle, problematics, topos, the image of the narrator.

УДК 82-343

Ю.В. Вишницька

ТРАНСФОРМАЦІЯ АРХАЇЧНОГО МІФУ У СУЧАСНОМУ СОЦІУМІ: ОГЛЯД ПРОБЛЕМИ

У статті окреслено теоретичний аспект дослідження соціальної міфології. Зроблено спробу визначити проблемне коло питань, пов'язаних із трансформацією архаїчних міфів у сучасному соціумі: представлено погляди науковців на розуміння сакральної та соціальної міфології; визначено причини регенерації архаїчних міфів, що проходять тривалий процес адаптації у суспільстві.

Ключові слова: архаїчний міф, міфологія, міфологема, профанний, сакральний, симуляційний, соціальний міф, суспільна міфологія.

Сьогоднішній соціум метафорично можна назвати ареною міфологічних баталій, де стикаються, змінюються, взаємознищуються, регенеруються, гіпертрофуються тощо міфи. З одного боку, через невмиручі архетипи, експліковані міфологемами, до нас «озивається» з тисячолітніх нашарувань архаїчний міф. З іншого боку – сучасність творить свою міфологію, подекуди таку, що вступає у протиріччя з прецедентною міфосистемою. На перетині сакральних та симуляційних міфологічних процесів і живе сучасний соціум. До того ж, вмикається ще й третя сила: індивід, що реагує на соціальну міфологію своєю міфотворчістю. Актуальні проблеми соціуму, який сьогодні з епохи раціоналізму стрімко переходить у міфологічну еру, хвилюють учених гуманітарних, соціальних та навіть технічних наук. Велика кількість дисертаційних досліджень останніх десятиліть свідчить про неабияку зацікавленість філософів, психологів, філологів, соціологів суспільною міфологією. Соціальна міфологія розглядається як «елемент соціальних технологій» [6], «символічно виражена сукупність онтологічних уявлень, ідеалів та переконань, що є для суспільства актуальними» [1, 11], «предмет соціально-філософського аналізу» [15], «предмет ідеологічної практики» [4, 13] тощо.

Чому міф є беззаперечним джерелом сучасних суспільних процесів? Які ознаки міфологічної свідомості, міфу забезпечують його живучість та генеративність? Відповіді на ці питання спробуємо відшукати у дослідженнях сучасних вітчизняних та зарубіжних міфологів, політологів, філологів, етнологів, соціологів. «Міфологічний» апріорі сприймається як такий, що протирічить реальності (згадаймо лише «вузьке» розуміння міфу як казки, легенди). Не підлягають усвідомленому аналізу й «архетипи»: володіючи міфологічними властивостями,